

ВЕЧНЫЙ ЖИД

Третья история из цикла «Анекдоты для богов
Олимпа»

ВАСИЛИЙ ЛЯГОСКИН

Василий Иванович Лягоскин

Вечный жид. Третья

история из цикла «Анекдоты для богов Олимпа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615395

ISBN 9785448365751

Аннотация

Он единственный из богов Олимпа не смог до конца поверить в реинкарнацию. Не перехитрил ли Гермес самого себя? Он идет из страны в страну; вглядывается в лица в тщетной надежде разглядеть под личиной обычного человека бога или богиню. Бессмертие ему, неведомо кем прозванному Жидом, дарит волшебный сосуд, похищенный у Кроноса, а душевное равновесие – Книга Алексея Сизоворонкина, о которой в суматохе Великого исхода забыли все боги. Все, кроме него...

Содержание

Эпизод первый: Амазония	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Вечный жид
Третья история
из цикла «Анекдоты
для богов Олимпа»
Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4483-6575-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпизод первый: Амазония

Лучше стоять, как вкопанному, чем лежать, как выкопанному...

Эта нехитрое правило уже не раз спасало Герману жизнь. Когда в грудь упирается острое копьё, и что-то не менее опасное подпирает тебя в спину, будешь стоять как миленький. Богатый, очень богатый опыт выживания в самых невероятных ситуациях сейчас безгласно и безальтернативно советовал: «Стой! Замри! Молчи!». А еще – жди команд от этой красотки, что уставилась на тебя со зверским выражением лица. Что такая команда поступит, Герман не сомневался. Тот же самый опыт, который – как говаривал когда-то очень давно пришлый и ушлый полубог с чудным именем Алексей Сизоворонкин – не пропъешь, подсказывал, что убивать его сейчас не будут. Ни копейщица спереди, ни женщина-воин, вооруженная мечом, чье острое покалывало его сейчас меж лопатками.

– Раз не убили сразу, значит, им что-то от меня нужно, – сделал вполне логичный вывод Герман, он же Гермес, бог торговли и покровитель воров, – впрочем, у амазонок может быть совсем другая логика... если она у них вообще есть.

С двух сторон товарок подстраховывали еще две пары амазонок; эти целились в нежданного пришельца из луков. Но их, как и мечницу, Герман определял на уровне смутных

ощущений – они должны были там находиться (опять-таки, исходя из богатого жизненного опыта) – а вот копейщица перед ним...

Копье было недлинным, так что лицо суровой воительницы хмурилось ему с расстояния двух локтей, не больше. И оно, несмотря на жесткие желваки на скулах, на брови, сведенные в одну длинную густую линию, поражало своей классической красотой. Чем-то она, эта юная воительница, напоминала Гермесу Афины. Увы, лишь напоминала. За сотни лет, что покинувший Олимп бог скитался по землям, ни одного родственника он так и не встретил. Девушка (или женщина) впереди тоже не могла быть аватарой его давних родственников и приятельниц. Ну не мог он представить себе богиню с такой непосредственностью во взгляде. Суровость и жесткость в этих глазах была не напускной, самой настоящей; но не выстраданной столетиями наблюдений за кровавыми битвами, или участия в них. Нет – это были глаза обыкновенной женщины, хотя...

– Хотя, небольшая проверочка не помешает, – усмехнулся Герман про себя, – вспомню-ка я еще пару строк из Книги – теперь уже вслух; надеюсь, что язык древних эллинов они понимают:

– Как ты мог с ней переспать?! Она же страшная!

– И сильная. Очень сильная!

Амазонка впереди скорчила совсем уж зверскую гримасу, и чуть надавила на копье, заставив сердце в груди испу-

ганно забиться; позади раздался короткий смешок. Давление на спину исчезло; вместо него такой же стальной голос командовал:

– Можешь опустить руки.

Герман-Гермес тут же воспользовался разрешением, в мыслях горячо поблагодарив обладательницу командного голоса – руки действительно затекли; так что он едва не уронил их вниз без всякого разрешения. И тут же чуть не взвыл от бессильного страдания – ловкие женские руки тут же сдернули с плеч дорожный мешок. Обычный мешок с двумя лямками, образец которого Гермесу когда-то давно обрисовал все тот же Сизоворонкин. На вещмешке было столько заплат, что за долгие годы на него позарились всего несколько раз; выпотрошенный артефакт обычно оказывался на обочине дороги, или в кустах – если рядом не было никаких дорог. Вместе с содержимым кстати. Потому что бесценное содержимое мешка не интересовало никого, кроме самого бога. Огромная и тяжелая книга в кожаном переплете содержала внутри себя единственный, чудовищно толстый лист, насквозь прожженный какими-то письменами. Грубый каменный стакан тоже не приглянулся ни одному грабителю. Вот и сейчас он глухо стукнулся о землю, в то время, как женщина позади разочарованно вздохнула.

– Это она, – как правильно догадался Гермес, – открыла книгу. И увидела там... фигу!

Он даже попытался было злорадно усмехнуться, но новая

команда едва не заставила его проглотить язык.

– Раздевайся!

– Очень оригинальный у вас метод обыска, девчата, – проворчал он, – может, мне еще нагнуться и ягодицы раздвинуть?

Герман тут же пожалел, что не проглотил язык мгновением раньше. Потому что тот же равнодушный голос позади заявил: «Надо будет, раздвинешь. Еще и сунешь туда чего-нибудь... да хоть свой грязный бокал». Покровитель воровской братии принялся медленно раздеваться, решив продолжить общение в виде монолога, причем внутреннего.

*Глупый пингвин робко прячет, умный смело доста-
ет...*

Герман наконец снял трусы – единственные во вселенной; их крой тоже подсказал незаменимый Алексей – и замер, не зная, смеяться ему или плакать. Потому что при виде его фамильного достоинства девица впереди ойкнула и выпустила из руки свое грозное оружие. У стоящего перед ней обнаженного мужика «оружие» было не менее грозным. Конечно, у верховных богов – у Зевса с Посейдоном, и у Аида – оно было потолще и подлинней, да еще Лешка-Геракл мог дать фору Гермесу, но...

Командный образ за спиной тут же приобрел зримые черты. Женщина, по чьей воле Герману пришлось разоблачиться, ловко перетекла вперед, под взгляд ничуть не смутившегося мужчины. Она, в отличие от своей более юной боевой

подруги, не выглядела смущенной, хотя взгляд в центре мироустройства Германа задержала надолго. А потом чуть хохотнула и с силой опустила ладонь на плечо подруги, или подчиненной, выводя ее из ступора.

– Вот это тебе повезло, Майя, – громко возвестила она, – такого права первой добычи я, пожалуй, и не припомню... удачная охота получилась!

– *Новости слышал? Конец года. Самый престижный мужской конкурс!*

– *А как называется-то?*

– *Ну, я же говорю – «Конец года»!*

Герман на «добычу» и на «охоту» не обиделся. О странных обычаях воительниц он был наслышан; еще до того, как направил свой путь на остров амазонок. Что привело его сюда? Он и сам не смог бы сказать. Может, чудовищная скука и тоска? Единственный из богов, покинувших Олимп, Гермес не решился поверить Сизоворонкину до конца. Его слова о перевоплощениях, о новых жизнях доверия у плутоватого бога торговли не вызвали. Чтобы поверить в это, нужно было умереть и возродиться, ну... или встретить кого-то из богов, кто такую процедуру успешно прошел. Гермес выбрал второе. Он бродил по землям, благо, границ пока никто не устанавливал, но никого из олимпийцев пока не встретил. Естественной смерти он не боялся – поддерживал тело и дух в достойном состоянии целебным эликсиром из того самого грубого бокала, который сейчас валялся на траве. Это

был двенадцатый, утерянный экземпляр из волшебного сервиза олимпийской трапезной. Легенду о том, что этот артефакт отец богов Кронос продул в карты таинственному Жиду, он сочинил и разнес по Олимпу сам. В действительности же бог воров украл один «стаканчик» — из чистой любви к собственному искусству, как и стадо коров у Аполлона, скипетр у Зевса, трезубец у Посейдона... и многое-многое другое. Последним его подвигом была кража Книги. Именно она, да еще каменный граненый стакан каким-то вывертом судьбы оказались с Гермесом в тварном мире. Волшебный сосуд поддерживал его телесное равновесие, а Книга Сизоворонкина — душевное. В самые трагичные, горькие моменты своей долгой жизни он вспоминал слова (опять-таки Лешкины... точнее неизвестного богу мудреца, которого тот цитировал): «Как не впасть мне в отчаяние...» — и открывал Книгу. Строки на предвечном языке исцеляли душевные раны, заполняли душу бодростью и толкали на новые подвиги. Например, на такой, который ему предстояло свершить сейчас. Или которые. Словосочетание «право первой добычи» заставляло трепетать не только душу, но и некоторые части тела.

Вокруг все пришло в движение. Всего амазонок было шесть. И сейчас они привычно быстро разбивали походный бивак. Несколько выбивалась из общей картины смущенная Майя. Она ходила, поминутно оглядываясь на Германа, который по-прежнему стоял как столб посреди поляны,

и не принимала участия в общем «веселье».

– Потому что ей придется веселиться позже – догадался Герман-Гермес, – сейчас дамы пообедают; может, и меня накормят. А потом оставят красавицу со мной наедине. Ну, держись, Майя!

Увы, как и часто раньше в общении с женщинами, Гермес не угадал. Причем самым жестоким; обидным для его мужского эго образом. Командирша, которую звали Персей, уселась во главе импровизированного стола, представлявшего собой какую-то тряпку, расстеленную на земле, взяла в руки мосол с холодным мясом и потеками застывшего жира, и махнула им: «Начинайте!».

– Как! – еда не воскликнул Гермес, – прямо здесь, на глазах жующей публики!... Я, бессмертный бог, должен буду творить непотребство на потеху озабоченных самок, которые низвели мужчин до состояния скота?!

Он остыл так же быстро, как зажегся огнем негодования.

– А в чем, собственно, непотребство? Это просто еще одно «приключение», о котором, я надеюсь, буду когда-нибудь рассказывать друзьям... когда они появятся.

И Гермес, обращаясь скорее к себе (чтобы окончательно успокоиться), чем к дрожащей уже девушке, вспомнил очередное «чудо» из Книги:

– *Милая, а ты не обидишься?*

– *Ну, говори уже!*

– *Эта кофта тебя слегка полнит.*

– А я сниму ее!

*– О боже, а как этот лифчик тебя полнит – ужас!
Давай снимай его скорей!*

Никакого лифчика под «кофтой», которую с застывшей на месте Майи снял сам Гермес, не оказалось. Зато там шаловливые и такие умелые руки бога ждали полные девичьи груди, явно не знавшие раньше ласк. Впрочем, Гермес не стал зарекаться – с этими ненормальными амазонками ни в чем нельзя быть уверенным. Та самая кофта, короткая юбочка и жалкое бельишко самого Германа-Гермеса быстро превратилось в уютное гнездышко – своеобразный театр под открытым небом, на котором «актеры» уже готовы были начать представление. Гермес потянул девушку за собой, не отпуская рук от пышной плоти; он уложил ее так, что зрительницам, приветствовавшим начало первого акта пьесы одобрительными выкриками, не было видно, как мужчина все-таки оторвал одну ладонь от девичьей прелести и вцепился в бокал. Герман и сам отхлебнул мальвазии, и почти бессознательным состоянием девушки воспользовался – ткнул в ее припухшие (это еще мы не целовались!) губы край стакана. Майя судорожно глотнула, а потом присосалась – пока только к краю волшебного сосуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.